

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

Andreev, L.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

ДНЕВНИКЪ САТАНЫ

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ 1921 г.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛИОНЪ“

891.78

A56 dn

1921

*Copyright 1921 by
A. B. Biblion O.Y.*

АКЦ. ОБЩ. ЭВЛУНДЪ и ПЕТТЕРССОНЪ.

1315809-192

I

18 января 1914 г.

На борту «Атлантика».

Сегодня ровно десять дней, какъ Я вочеловѣчился и веду земную жизнь.

Мое одиночество очень велико. Я не нуждаюсь въ друзьяхъ, но Мнѣ надо говсрить о себѣ, и Мнѣ не съ кѣмъ говорить. Олнѣхъ мыслей недостаточно и онѣ не вполне ясны, отчетливы и точны, пока Я не выражу ихъ словомъ: ихъ надо выстроить въ рядъ, какъ солдатъ или телеграфные столбы, протянуть какъ желѣзнодорожный путь, перебросить мосты и вѣдуки, построить насыпи и закругленія, сдѣлать въ извѣстныхъ мѣстахъ остановки — и лишь тогда все становится ясно. Этотъ каторжный инженерный путь называется у нихъ, кажется, логикой и послѣдовательностью и обязательенъ для тѣхъ, кто хочетъ быть умнымъ; для всѣхъ остальныхъ онъ не обязательенъ и они могутъ блуждать, какъ имъ угодно.

Работа медленная, трудная и отвратительная для того, кто привыкъ единымъ... не знаю, какъ это назвать — единымъ дыханіемъ схватывать все и единымъ дыханіемъ все выражать. И не даромъ они такъ уважають своихъ мыслителей, а эти несчастные мыслители, если они честны и не мошенничаютъ при постройкѣ, какъ обыкновенные инженеры, не напрасно попадаютъ въ сумасшедшій домъ. Я всего нѣсколько дней на землѣ, а ужъ не разъ предо мною мелькали его желтыя стѣны и привѣтливо раскрытая дверь.

Да, чрезвычайно трудно и раздражаетъ «нервы» (тоже хорошенькая вещь!). Вотъ сейчасъ — для выраженія маленькой и обыкновенной мысли о недостаточности ихъ словъ и логики я принужденъ былъ испортить столько прекрасной пароходной бумаги... а что же нужно, чтобы выразить большое и необыкновенное? Скажу заранѣе — чтобы ты не слишкомъ разѣваль твой любопытный рсть, мой земной читатель! — что необыкновенное на языкѣ твоего ворчанія не вырази́мо. Если не вѣришь Мнѣ, сходи въ ближайшій сумасшедшій домъ и послушай тѣхъ: они всѣ познали что то и хотѣли выразить его... и ты слышишь, какъ шипятъ и вертятъ въ воздухѣ колесами эти свалившіеся паровозы, ты замѣчаешь, съ какимъ трудомъ они удерживаютъ на мѣстѣ разбѣгающіяся

черты своихъ изумленныхъ и пораженныхъ лицъ?

Видю, какъ ты и сейчасъ уже готовъ закидать Меня вопросами, узнавъ, что Я — вочело вѣчившійся Сатана: вѣдь это такъ интересно! Откуда Я? Каковы порядки у насъ въ Аду? Существуетъ ли безсмертіе, а также каковы цѣны на каменный уголь на послѣдней адской биржѣ? Къ несчастью, мой дорогой читатель, при всемъ моемъ желаніи, если бы таковое и существовало у Меня, Я не въ силахъ удовлетворить твое законное любопытство. Я могъ бы сочинить тебѣ одну изъ тѣхъ смѣшныхъ исторіекъ о рогатыхъ и волосатыхъ чертяхъ, которыя такъ любезны твоему скудному воображенію, но ты имѣешь ихъ уже достаточно и Я не хочу тебѣ лгать такъ грубо и такъ плоско. Я солгу тебѣ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ты ничего не ждешь, и это будетъ интереснѣе для насъ обоихъ.

А правду — какъ ее скажу, если даже мое И м я невыразимо на твоёмъ языкѣ? Сатаною назвалъ меня ты и Я принимаю эту кличку, какъ принялъ бы и всякую другую: пусть Я — Сатана. Но мое истинное имя звучитъ совсѣмъ иначе, совсѣмъ иначе! Оно звучитъ необыкновенно, и Я никакъ не могу втиснуть его въ твое узкое ухо, не разодравъ его вмѣстѣ съ твоими мозгами: пусть Я — Сатана, и только.

И ты самъ виновать въ этомъ, мой другъ: зачѣмъ въ твоёмъ разумѣ такъ мало понятій? Твой разумъ, какъ нищенская сума, въ которой только куски черстваго хлѣба, а здѣсь нужно больше, чѣмъ хлѣбъ. Ты имѣешь только два понятія о существованіи: жизнь и смерть — какъ же Я объясню тебѣ третье? Все существованіе твое является чепухой только изъ за того, что ты не имѣешь этого третьяго, и гдѣ же Я возьму его? Нынѣ Я чловѣкъ, какъ и ты, въ моей головѣ твои мозги, въ моемъ рту мѣшкотно толкутся и колются углами твои кубическія слова, и Я не могу рассказать тебѣ о Необыкновенномъ.

Если Я скажу, что чертей нѣтъ, Я обману тебя. Но если Я скажу, что они есть, — Я также обману тебя... видишь, какъ это трудно, какая это безсмыслица, мой другъ! Но даже о моемъ вочеловѣченіи, съ котораго десять дней назадъ началась моя земная жизнь, Я могу рассказать тебѣ очень мало понятнаго. Прежде всего, забудь о твоихъ любимыхъ волосатыхъ, рогатыхъ и крылатыхъ чертяхъ, которые дышутъ огнемъ, превращаютъ въ золото глиняные осколки, а старцевъ — въ обольстительныхъ юношей и, сдѣлавъ все это и наболтавъ много пустяковъ, мгновенно проваливаются сквозь сцену, — и запомни: когда мы хотимъ придти на твою землю, мы должны вочеловѣчиться. Почему это такъ,

ты узнаешь послѣ смерти, а пока запомни: Я сейчасъ человѣкъ, какъ и ты, отъ Меня пахнетъ не вонючимъ козломъ, а недурными духами, и ты спокойно можешь пожать мою руку, нисколько не боясь оцарапаться о когти: Я ихъ также стригу, какъ и ты.

Но какъ это случилось? Очень. . . . просто. Когда Я захотѣлъ придти на землю, Я нашелъ одного подходящаго, какъ помѣщеніе, тридцати восьмилѣтняго американца, мистера Генри Вандергуда, милліардера, и убилъ его. . . конечно, ночью и безъ свидѣтелей. Но притянуть Меня къ суду, не смотря на мое сознаніе, ты все-таки не можешь, такъ какъ американецъ ж и в ѣ, и мы оба въ одномъ почтительномъ поклонѣ привѣтствуемъ тебя: Я и Вандергудъ. Онъ просто сдалъ мнѣ пустое помѣщеніе, понимаешь — да и то не все, чертъ его побери! И вернуться о б р а т н о Я могу, къ сожалѣнію, лишь той дверью, которая и тебя ведетъ къ свободѣ: черезъ смерть.

¶ Вотъ главное. Но въ дальнѣйшемъ и ты можешь кое-что понять, хотя говорить о такихъ вещахъ твоими словами — все едино, что пытаться засунуть гору въ жилетный карманъ или наперсткомъ вычерпать Ніагару! Вообрази, что ты, дорогой мой царь природы, пожелалъ стать ближе къ муравьямъ и силою чуда или волшебства сдѣлался муравьемъ, настоящимъ крохотнымъ муравь-

емъ, таскающимъ яйца — и тогда ты немного почувствуешь ту пропасть, что отдѣляетъ Меня бывшаго отъ настоящаго. . . нѣтъ, еще хуже! Ты былъ звукомъ, а сталъ нотнымъ значкомъ на бумагѣ. . . нѣтъ, еще хуже еще хуже, и никакія сравненія не расскажутъ тебѣ о той страшной пропасти, дна которой Я еще самъ не вижу. Или у нея совсѣмъ нѣтъ дна?

Подумай: Я двое сутокъ, по выходѣ изъ Нью-Йорка, страдалъ морской болѣзнью! Это смѣшно для тебя, привыкшаго валяться въ собственныхъ нечистотахъ? Ну, а Я — Я тоже валялся, но это не было смѣшно нисколько. Я только разъ улыбнулся, когда подумалъ, что это не Я, а Вандергудъ, и сказалъ:

— Качай, Вандергудъ, качай!

. . . . Есть еще одинъ вопросъ, на который ты ждешь отвѣта: зачѣмъ Я пришелъ на землю и рѣшился на такой невыгодный обмѣнъ: изъ Сатаны, «всемогушаго, безсмертнаго, повелителя и властелина» превратился въ. . . тебя? Я усталъ искать слова, которыхъ нѣтъ, и я отвѣчу тебѣ по англійски, французски, итальянски и нѣмецки, на языкахъ, которые мы оба съ тобою хорошо понимаемъ: мнѣ стало скучно. . . въ Аду, и Я пришелъ на землю, чтобы лгать и играть.

Что такое скука, тебѣ извѣстно. Что такое ложь, ты хорошо знаешь, и объ и грѣ

ты можешь нѣсколько судить по твоимъ театрамъ и знаменитымъ актерамъ. Можетъ быть, ты и самъ играешь какую нибудь маленькую вещичку въ парламентѣ, дома или въ церкви? — тогда ты кое что поймешь и въ чувствѣ наслажденія игрою. Если же ты, вдобавокъ, знаешь таблицу умноженія, то поможь этотъ восторгъ и наслажденіе игры на любую многозначную цифру, и тогда получится мое наслажденіе, моя игра. Нѣтъ, еще больше! Вообрази, что ты океанская волна, котсрая вѣчно играетъ и живетъ только въ игрѣ — вотъ эта, которую сейчасъ я вижу за стекломъ и которая хочетъ поднять нашъ «Атлантикъ»... впрочемъ, я опять ищу словъ и сравненій!

Просто, Я хочу играть. Въ настоящую минуту Я еще невѣдомый артистъ, скромный дебютантъ, но надѣюсь стать знаменитымъ не менѣе твоего Гаррика или Ольриджа — когда сыграю, что хочу. Я гордъ, самолюбивъ и даже, пожалуй тщеславенъ... ты вѣдь знаешь, что такое тщеславіе, когда хочется похвалы и апплодисментовъ, хотя бы дурака? Далѣе, Я дерзко думаю, что Я гениаленъ — Сатана извѣстенъ своею дерзостью — и вотъ вообрази, что мнѣ надоѣлъ Адъ, гдѣ всѣ эти волосатые и рогатые мошенники играютъ и лгутъ почти не хуже, чѣмъ Я, и что Мнѣ недостаточно адскихъ лавровъ, въ

которыхъ Я проницательно усматриваю не мало низкой лести и простого тупоумія. О тебѣ же, мой земной другъ, я слыхалъ, что ты уменъ, довольно честенъ, 'въ мѣру недоувѣрчивъ, чутокъ къ вопросамъ вѣчнаго искусства и настолько скверно играешь и лжешь самъ, что способенъ высоко оцѣнить чужую игру: вѣдь не спроста у тебя столько Великихъ! Вотъ Я и пришелъ. . . понятно?

Моими подмостками будетъ земля, а ближайшей сценой Римъ, куда я ѣду, этотъ «вѣчный» городъ, какъ его здѣсь называютъ съ глубокимъ пониманіемъ вѣчности и другихъ простыхъ вещей. Труппы опредѣленной Я еще не имѣю (не хочешь ли и ты вступить въ нее?) но вѣрю, что Судьба или Случай, которому Я отнынѣ подчиненъ, какъ и все ваше земное, оцѣнитъ мои безкорыстныя намѣренія и пошлетъ навстрѣчу достойныхъ партнеровъ . . . старая Европа такъ богата талантами! Вѣрю, что и зрителей въ этой Европѣ найду достаточно чуткихъ, чтобы стоило передъ ними красить рожу и мягкія адскія туфли замѣнять тяжелыми котурнами. Признаться, раньше Я подумывалъ о востокѣ, гдѣ уже не безъ успѣха подвизались когда то нѣкоторые мои . . . соотечественники, но Востокъ слишкомъ довѣрчивъ и склоненъ къ балету, какъ и яду, его боги безобразны, онъ еще слишкомъ воляетъ полосатымъ звѣремъ, его тьма и огни

варварски грубы и слишкомъ ярки, чтобы такому тонкому артисту, какъ Я, стоило идти въ этотъ тѣсный и вонючій балаганъ. Ахъ, мой другъ, Я вѣдь такъ тщеславенъ, что и этотъ Дневникъ начинаю не безъ тайнаго намѣренія восхитить тебя... даже моимъ убожествомъ въ качествѣ Искателя словъ и сравненій. Надѣюсь, что ты не воспользуешься моей откровенностью и не перестанешь мнѣ вѣрить?

Есть еще вопросы? О самой пьесѣ я самъ толкомъ не знаю, ее сочинить тотъ же импресарио, что привлечетъ и актеровъ — Судьба, а моя скромная роль для начала: человѣка, который такъ полюбилъ другихъ людей, что хочетъ отдать имъ все, душу и деньги. Ты не забылъ, конечно, что Я милліардеръ? — у Меня три милліарда. Достаточно, не правда ли, для одного эффектнаго представленія? Теперь еще одна подробность, чтобы закончить эту страницу.

Со мною ѣдетъ и раздѣлитъ мою судьбу нѣкто Эрвинъ Топпи, мой секретарь, личность весьма почтенная въ своемъ черномъ сюртукѣ и цилиндрѣ, съ своимъ отвислымъ носомъ, похожимъ на незрѣлую грушу, и бритымъ пасторскимъ лицомъ. Не удивлюсь, если въ карманѣ у него найду походный молитвенникъ. Мой Топпи явился на землю оттуда, т. е. изъ Ада и тѣмъ же способомъ, какъ и Я: онъ

также вочеловѣчился и, кажется, довольно удачно — бездѣльникъ совершенно нечувствителенъ къ качкѣ. Впрочемъ, даже для морской болѣзни нуженъ нѣкоторый умъ, а мой Топпи глупъ непроходимо — даже для земли. Кромѣ того, онъ грубъ и даетъ совѣты. Я уже нѣсколько раскаиваюсь, что изъ богатаго нашего запаса не выбралъ для себя скотины получше, но Меня соблазнила его честность и нѣкоторое знакомство съ землею: какъ то пріятнѣе было пускаться въ эту прогулку съ бывалымъ товарищемъ. Когда то — давно — онъ уже принималъ человѣческій образъ и настолько проникся религіозными идеями, что, подумай! вступилъ въ монастырь братьевъ францисканцевъ, прожилъ тамъ до сѣдой старости и мирно скончался подъ именемъ брата Винцента. Его прахъ сталъ предметомъ поклоненія для вѣрующихъ — недурная карьера для глупаго Чорта! — а самъ онъ снова со Мною и уже нюхаетъ, гдѣ пахнетъ ладаномъ, неискоренимая привычка! Ты его навѣрное полюбишь.

А теперь довольно. Пойди вонъ, мой другъ. Я хочу быть одинъ. Меня раздражаетъ твое плоское отраженіе, которое я вызвалъ на этой стѣнѣ, и Я хочу быть одинъ, или только хоть съ этимъ Вандергудомъ, который отдалъ Мнѣ свое помѣщеніе и въ чемъ то мошеннически надулъ Меня. Море спокойно, Меня